

Полтавские губернские ведомости.

1899. 10 марта. № 54.

С. 3.

Театр и музыка.

— Сегодня, на сценѣ 2-го общественнаго собранія, Харьков. драматическимъ товариществомъ ставится «Дядя Ваня», пьеса А. Чехова. Самъ авторъ не называетъ своего произведенія ни драмой, ни комедіей, а просто «сцены изъ деревенской жизни», — такъ какъ эта пьеса совершенно лишена шаблонныхъ сценическихъ приемовъ и построений, обычныхъ эффектовъ, въ видѣ «сильно драматическихъ сценъ и монологовъ» или комическихъ положеній. Какъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, А. Чеховъ и въ пьесахъ оригиналенъ и самобытенъ, вотъ почему публика съ такимъ трудомъ разбирается въ своихъ впечатлѣніяхъ и не въ состояніи сразу и опредѣленно вывести его драматъ, глубинны по содержанию и смыслу и своеобразны въ вѣтшиемъ построении, правильную оцѣнку. Отъ этого и случаются такіа странныя явленія, — лучшее изъ произведеній Чехова «Чайка» была жестоко осмистана въ Александринскомъ театрѣ в послѣ двухъ постановокъ снята съ репертура. Ты же пьеса, въ Москвѣ, на сценѣ художественно-общедоступнаго театра вызвала бурю восторговъ, публика, по единодушному желанію, послала привѣтственный и благодарственный адресъ автору этой почти гениальной, какъ называли ее въ Москвѣ, вещи, и пьеса, въ продолженіе всего сезона несходила съ репертуара и дѣлала полныя сборы. Такую судьбу раздѣляютъ и другія пьесы А. Чехова «Ивановъ» и «Дядя Ваня». Въ то время, какъ одна часть публики не находитъ словъ для выраженія своего восхищенія, другіе въ лучшемъ случаѣ пожимаютъ лишь въ недоумѣніи плечами. Сегодня мы увидимъ одну изъ этихъ пьесъ. Не предвѣщая того, какое она произведетъ впечатлѣніе на нашу публику, познакомимъ съ ея содержаниемъ.

Въ глубокое захолустье, въ современную деревню авторъ вводитъ городскую семью, да не какую-либо, а «цвѣтъ интеллигенціи», такъ сказать, въ лицѣ г. профессора взявшихъ искусства въ отставку и его молодой жены (у насъ, вѣроятно, г-жа Петипа). Приѣхали городскіе гости къ дядѣ Ванѣ (Шуваловъ), мирно трудившемуся до той поры съ Соней, (г-жа Велизарій) «аманицированной» старухой-матерью, съ няней, да съ обидѣвшимся и наивнымъ Телѣгинымъ, приѣхали и сразу перевернули всю эту деревенщину вверхъ дномъ, прихвативши вдобавокъ еще и пріятеля дяди Вани, деревенскаго врача Астрова. Перевернули они все вверхъ дномъ единственно своимъ «ничегомѣланиемъ», своей лѣнью, своей полной бесполезностью для деревни, да и для города, кстаи сказать. Деревня требуетъ порядка, деревня требуетъ работы и извѣстнаго режима, но какой-же тутъ режимъ и порядокъ, когда, начиная съ самовара, безтолково стоящаго на столѣ по цѣлымъ часамъ, и кончая всѣми обитателями дома, — все и всѣ чувствуютъ себя выбитыми изъ колеи. Бесполезные и праздные гости-родственники, занимающиеся только ѣдой и спавъшемъ, да бесполезными разговорами, въ концѣ концовъ садятся на шею захолустнымъ обитателямъ, и садятся такъ основательно, что добродушный здоровый работникъ дядя Ваня начинаетъ выпивать и ничего не дѣлать. То же самое происходитъ съ докторомъ, который забываетъ о своемъ любимомъ лѣсѣ, своихъ больныхъ и начинаетъ «запиваніе».

Вѣчно мелькающая фигура молодой, скукающей, здоровой и ничего не дѣлающей женщины-профессорши доводитъ, наконецъ, деревенскихъ, здоровыхъ людей до изступленія. Эти деревенскіе медвѣди, которыхъ раньше и

Полтавские губернские ведомости.

1899. 10 марта. № 54.

С. 3.

въ голову не приходила всякая «любовь» и волокитство, настойчиво начинают добиваться у профессорши «взаимности». Дѣло доходить до того, что добродушнѣйшій и добрѣйшій дядя Ваня стремится въ бесполезность изъ бесполезностей, стараго профессора, и никакъ простить себѣ не можетъ, что промахнулся. Доктора, превосходнѣйшаго доктора, милого и умнаго человека тоже такъ раздражили прелести молодой профессорши, что ради нея онъ почти сознательно отказывается отъ счастья, отъ милой, умной, любящей и серьезной Соии. Но, слава Богу, безтолковщина улегается, гости уѣзжаютъ и наши деревенскіе интеллигенты опять принимаются за свою тихую и скромную, но честную и хозяйственную работу.

О сам.я пьесѣ «К. Сл.», по поводу

постановки ея въ Кіевѣ, говорить: послѣ трескучихъ и аффективныхъ «сценическихъ» картинъ чѣмъ-то новымъ и хорошимъ вѣетъ на насъ отъ дѣйствительно художественныхъ сценъ деревенской жизни, воспроизведенныхъ авторомъ. Къ такимъ сценамъ нужно отнести въ особенности первую и послѣднюю сцены: первую—когда занавѣсъ опускается подъ однообразное созываніе няней Мариной цыплятъ: «цыпъ, цыпъ, цыпъ...» и послѣднюю, гдѣ въ одной рабочей комнатѣ собралась трудовая деревенская семья, проводившая городскихъ гостей.

Эта послѣдняя сцена такъ и просится на полотно во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ, всѣ эти—Телѣгинъ, Войницкая, няня Марина, дядя Ваня и, наконецъ, Соня только что проводившая навсегда любимаго челоуѣка и въ смиренной горести изливающая свое горе у дядиныхъ коленъ—все это, повторяемъ, такъ и просится на картину, невольно захватываетъ и очаровываетъ зрителя своей правдой, своей простотой.